

Есть ли смысл ожидать «цветную революцию» в Беларуси?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 485
Сентябрь 2017 г.

Аркадий Мошес¹
Финский Институт международных отношений

В феврале-марте этого года Беларусь сотрясали народные протесты. Десятки тысяч людей, что довольно значительно по меркам страны, вышли на улицы столицы и других городов. Непосредственным толчком к началу протестов послужил президентский декрет о «тунеядцах», облагающий налогом полмиллиона человек, проживающих в Беларуси, но не имеющих официальной занятости или регистрации в качестве безработного. В общем плане мотиватором стало разочарование, вызванное падением жизненных стандартов в стране, переживавшей третью рецессию с 2009 г.

Власти должны были насторожить не столько экономические требования или даже вовлеченность новых, широких и традиционно проправительственных слоев населения (как пенсионеры и другие группы, обычно воспринимаемые в качестве бенефициаров национальной социально-ориентированной экономической модели), сколько широкое использование триколора Белорусской Народной Республики 1918 г. и скандирование лозунга «Жыве Беларусь!». И то, и другое в настоящий момент символизирует оппозицию правящему бессменно персоналистскому режиму президента Александра Лукашенко как таковому.

25 марта протесты в Минске были окончательно подавлены. 700 участников были задержаны. Примерно 500 человек были приговорены к административным тюремным срокам, многие другие получили штрафы. Попытки организовать новые митинги протеста в мае и июле в целом были неудачными. В то же время власти приостановили на год вступление в силу налога на «тунеядцев».

¹ [Аркадий Мошес](#) – директор исследовательской программы по Восточному Соседству ЕС и по России Финского Института международных отношений

Вследствие всех этих событий возник вопрос о том, не движется ли Беларусь в сторону каких-то общественных изменений, которые постепенно начнут подталкивать страну и ее политическую системы в направлении рыночных реформ и политической либерализации. Однако пока такое предположение было бы как минимум преждевременным. Ни белорусское общество, ни власти, ни международный контекст не позволяют предполагать, что подобный сдвиг уже стал вероятным. Наоборот, большинство населения и режим, похоже, объединяет желание противостоять изменениям и сохранить статус кво.

Выбирая «стабильность»

Социологи установили, что протестный потенциал в Беларуси мало подвержен колебаниям. В соответствии с данными уважаемого Независимого Института Социально-Экономических и Политических Исследований (НИСЭПИ, которому, к сожалению, в 2016 г. пришлось прекратить проведение опросов в Беларуси), на протяжении 2006-15 гг. (за одним исключением, когда показатель вырос почти до 26%) лишь 15-21% респондентов считали себя находившимися в оппозиции к власти, в то время как 65-73% полагали обратное. Равным образом в 2007-15 гг. лишь 15-23% опрошенных заявляли о своей готовности принять участие в акциях протеста против ухудшения экономической ситуации, если бы такие были организованы в их населенном пункте, а 68-74% говорили о своей неготовности. Если принять во внимание, что этот временной промежуток включил в себя драматические обвалы в экономике, рост политической активности во время президентских кампаний 2006 и 2010 гг., а также циклы ухудшения и улучшения отношений как с Россией, так и с Западом, базовые предпочтения белорусского общества будут выглядеть почти как константа.

Естественно, затяжной экономический кризис может повлиять на положение дел, но пока мало оснований предсказывать, что долгосрочные тенденции могут поменяться уже в ближайшее время и что режим потеряет поддержку (или, как минимум, пассивное принятие) со стороны населения. Сегодня три фактора в особенности добавляют веса данному выводу.

Во-первых, Беларусь имеет достаточно болезненный опыт политических уличных протестов. Раз за разом, когда это считалось необходимым, режим применял «ковровые» репрессии против недовольных, как это хорошо видно на примере пост-выборной ситуации в 2006 и 2010 гг. Для любого потенциального рядового протестующего, не говоря уже об убежденном оппозиционном активисте, весьма велик риск потерять работу или оказаться в заключении.

Во-вторых, украинский Евромайдан никак не подтолкнул к участию в протестных действиях, а, наоборот, послужил предупреждением. Мысль о связи между протестами и дестабилизацией, насилием и даже полномасштабной войной распространялась как национальными, так и российскими СМИ, каковые остаются в Беларуси важным источником информации. Уже в марте 2014 г. (то есть на ранней стадии украинского кризиса), по данным НИСЭПИ, 78% опрошенных полагали, что «лучшее будущее» не стоит кровопролития. 70% заявили, что не хотели бы повторения аналогичных украинским событиям в Беларуси. Еще 23% готовы были приветствовать их с условием, что насилия не последует, и лишь 3,6% приветствовали бы такой ход событий безусловно. Более 50% в совокупности (34 и 17% соответственно) ожидали, что события на Украине закончатся либо распадом страны, либо гражданской войной. Последовавший конфликт в украинском Донбассе вряд ли способствовал размыванию подобных взглядов.

В-третьих, «цветная революция» предполагает приверженность европейским ценностям как идеологической платформе – символом чего стали флаги ЕС на Евромайдане – и готовность сделать так называемый «Европейский выбор». Однако симпатии к ЕС в Беларуси в настоящий момент находятся на низком уровне. В соответствии с апрельским (2017 г.) опросом расположенной в Варшаве Белорусской Аналитической Мастерской, лишь 13% белорусов предпочли бы членство в ЕС союзу с Россией, каковой выбрали бы 65% (союз при этом не тождественен превращению в часть российского государства). На гипотетическом референдуме о членстве лишь 14% проголосовали бы за вступление в ЕС, а 51% был бы против, в то время как в 2010-13 гг., по данным НИСЭПИ, членство в ЕС пользовалось поддержкой относительного или даже абсолютного большинства. Симпатии в ЕС значительно снизились в 2014 г., когда одни белорусы сочли ЕС ответственным за украинский кризис, а другие, наоборот, обвинили Европу в неспособности защитить Украину. Одно из возможных объяснений, почему проевропейские настроения в Беларуси продолжают снижаться, может быть связано с неприемлемостью для белорусских приверженцев европейских ценностей решения Брюсселя, принятого в 2015 г., восстановить отношения с Минском, невзирая на отсутствие внутренней либерализации.

Консолидированный режим и разделенная оппозиция

В отличие от Украины или Грузии, в Беларуси нет политической контр-элиты, наличие которой является предпосылкой «цветной революции». Лукашенокская система устроена так, что статус, благосостояние и даже личная свобода чиновника высокого уровня или богатого бизнесмена зависит от воли и доброго отношения президента. Не принимается любой намек на нелояльность. Часто проводятся

перетасовки в органах управления. Многочисленные службы безопасности тщательно отслеживают поведение элит (видимо, даже больше, чем обычных людей) и, не менее важно, держат под контролем друг друга.

Внутриэлитные группировки, без сомнения, существуют и ведут борьбу за влияние на внешнюю и экономическую политику, но разницу между ними не стоит преувеличивать. Все они являются бенефициарами системы и в обозримом будущем заинтересованы в продлении существования режима (хотя и по разным причинам). Характерным примером может служить министр иностранных дел Беларуси Владимир Макей, являющийся лицом и, как считается, одним из архитекторов нынешнего сближения страны с ЕС, но который в 2011-13 гг. находился под санкциями ЕС в силу того, что ранее возглавлял президентскую администрацию Лукашенко.

В свою очередь, после двух десятилетий репрессий оппозиция в Беларуси является слабой и разделенной. Как верно отметил комментатор Московского Центра Карнеги Артем Шрайбман, в ситуации, когда даже широкая коалиция по определению не имеет шансов на успех на выборах, стимулы к объединению отсутствуют и политики предпочитают лидерство в своих соответствующих небольших структурах роли «второй скрипки» в более крупной организации².

Поскольку радикальный политический подход, нацеленный на смену режима, не имеет практической перспективы, велик соблазн занять умеренные позиции и перейти к защите «мирной и постепенной» эволюции. Именно это произошло с кампанией «Говори правду», основанной в 2010 г. бывшим кандидатом в президенты Беларуси Владимиром Некляевым. В 2015 г. он вышел из организации, обвинив ее в сотрудничестве с секретными службами. При новом руководстве представители организации приняли участие в президентских и парламентских выборах, а в 2017 г. она получила официальную регистрацию.

Российская аннексия Крыма и конфликт в Донбассе дали властям возможность повернуться в сторону национально ориентированных политиков и интеллигенции. Апеллируя к ценностям независимости и суверенитета, конституционным гарантом которых является президент, и обещая продвижение белорусского языка и культуры, режим, очевидно, может не без успеха попытаться вернуть на свою сторону часть оппозиционно настроенных людей или по меньшей мере внести дополнительную сумятицу в ряды оппозиции. Символично, что единственным представителем гражданского общества, вошедшим в парламент после выборов 2016 г., стала активистка Товарищества Белорусского Языка Елена Анисим. Хотя жесткое подавление протестов 2017 г. приостановило продвижение к новому

² <http://carnegie.ru/2017/05/31/ru-pub-70099>

«контракту безопасности» между правительством и данными общественными группами, в какой-то момент в будущем процесс может возобновиться.

Международный контекст

Другим элементом, препятствующим политическим изменениям в Беларуси, является позиция России. Не вызывает ни малейших сомнений, что Москва сделает все возможное для того, чтобы предотвратить сценарий «цветной революции» в Беларуси.

С одной стороны, это означает, что продолжится предоставление российских субсидий Беларуси. Это должно помочь Минску разбираться с базовыми причинами потенциальных проблем. Уровень субсидирования, вероятно, снизится (по данным МВФ, в 2005-15 гг. российские субсидии Беларуси достигли астрономической суммы в 100 млрд. долларов, что вряд ли возможно продолжать), а политическая цена, которую потребуют от Минска, может вырасти, но ясно, что линия жизнеобеспечения не будет оборвана полностью. В этом смысле можно предположить наличие причинно-следственной связи между весенними протестами и новым блоком помощи, договоренность о котором была достигнута в апреле 2017 г. На этот раз российская помощь была не слишком щедрой – займ едва позволил Минску расплатиться по долгам за российский газ, а обещанная скидка с будущей цены на газ была незначительна. Тем не менее, следует отметить, не углубляясь в детали, что глубокий двусторонний конфликт вокруг цен на энергоносители и других экономических вопросов длился к этому моменту уже более года и был разрешен только после волны протестов, а не до нее.

С другой стороны, в случае, если гипотетическое развитие события начало бы напоминать украинский сценарий, вероятно прямое российское вмешательство. Принимая во внимание общественные настроения белорусов, о которых речь шла выше, понимание этой логики само по себе формирует важный сдерживающий фактор.

В то же время Запад, и в особенности ЕС, также не выглядят заинтересованными в белорусской «революции». Решение Брюсселя восстановить взаимодействие с Лукашенко основывалось на высокой оценке «стабильности». В Брюсселе нет никакого желания войти в еще один клинч с Москвой, тем более, что на этот раз шанс выиграть был бы намного меньше, чем на Украине. Реакция ЕС на репрессии со стороны режима весной 2017 г. была в лучшем случае половинчатой; она не вышла за рамки выражения озабоченности и не повлияла на практические контакты ЕС с Минском. Даже Польша, которую Лукашенко наряду с Литвой обвинил в тренировке боевиков и подготовке дестабилизации в Беларуси, на

практике решила проигнорировать демарш и продолжить «нормализацию» отношений. Наиболее позитивным по отношению к ЕС объяснением такого подхода являются опасения, что более жесткая реакция Европы может ухудшить положение внутри Беларуси, но вполне можно представить себе и то, что политическая либерализация была намеренно принесена в жертву другим соображениям.

Последствия для Запада

Данный анализ исключает сценарий белорусской «цветной революции» как сознательного движения за общественный и политический переход к европейским стандартам и ценностям. Однако протесты весны 2017 г. продемонстрировали, что старый белорусский социальный контракт, в рамках которого пост-социалистическая распределительная экономическая модель обеспечивала населению достаточные блага и гарантировала его неучастие в политике, уже размывается. Если система более не сможет обеспечить населению его минимальные потребности или если власти будут предпринимать провоцирующие меры (как это случилось с налогом на «тунеядцев»), протестные настроения будут расти, а белорусская «стабильность» окажется под вопросом.

Способность режима разрешить латентные проблемы путем макроэкономических реформ является ограниченной, во-первых, из-за отсутствия понимания, что изменения необходимы и даже запоздали, а во-вторых, из-за осознания, что запуск экономических реформ ухудшит жизненные стандарты, что, в свою очередь, будет угрожать политическим позициям режима. Однако, чем дольше реформы откладываются, тем более болезненными и дорогостоящими они окажутся для населения.

В этой ситуации взаимодействие Запада с Беларусью должно быть нацелено на продвижение трансформации, по меньшей мере – экономической. Это неминуемо предполагает выдвигание вопроса об условиях. Если реформы начнутся, Беларуси следует предложить серьезный пакет помощи для смягчения их наиболее болезненных последствий. В случае отсутствия изменений нет особого смысла предоставлять ресурсы. ЕС также следовало бы обратить внимание на сокращение, и разочарование внутри, про-европейских слоев Беларуси и попытаться развернуть этот процесс, что возможно, только если вопрос о нормах и политических свободах вернется в повестку дня.

Если ЕС просто продолжит свой нынешний так называемый «конструктивный диалог» с Минском – подход, который не ведет к реальным изменениям в жизни,

это будет означать выбор комфортного пути наименьшего сопротивления, который, однако, приведет к еще большим проблемам в будущем.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org